

претного любопытства убийства, сладострастия насилия и власти над чужой жизнью».

Представление о Куприне, изображающем сильные чувства, яркие характеры, благородные поступки, ошибочно и справедливо одновременно. Куприн действительно хотел верить в добро, искусство и правду, усердно искал их в жизни и придумал много рассказов (как ни парадоксально это покажется, основанных на реальных событиях), где добро торжествует и красота побеждает. Но правдивым художником он становился тогда, когда показывал, как темные глубины подсознательного мгновенно затопляют поверхностный слой культуры.

Зло он наблюдал в самом себе. Мягкий, застенчивый, деликатный, всегда готовый помочь ближнему, Куприн в минуты гнева становился зверем. Наблюдательная Тэффи, искренне его любившая, не зря пишет о его желтых «тигриных» глазах. Думаю, правы мемуаристы, писавшие, что он не то чтобы не мог победить в себе вспыльчивость (мягко говоря), а, скорее, знал восторг наслаждения гневом и злобой и почти сознательно отдавался им.

Добрый и рефлектирующий Ромашов — это Куприн. Но и поручик Бек-Агамалов, чуть не зарубивший шашкой женщину (так и хочется сказать невинную, но дело происходит в публичном доме), — тоже Куприн.

Как и положено писателю, Куприн умел быть наблюдательным. Трагедия каждого художника в том, что наблюдатель должен быть отстраненным аналитиком и, следовательно, жестоким. Вот как описывает Ю. Григорков свое впечатление человека, ставшего объектом изучения Куприна: «Острый, холодный и сверлящий взгляд вонзился в меня, как бурав, и стал вытягивать из меня все, что есть во мне характерного, всю мою сущность. Говорят, что так же рассматривал людей Лев Толстой. <...> Если бы пыль, втягиваемая в трубу пущенного в ход пылесоса, могла чувствовать, то ее ощущения, вероятно, были бы похожи на мои. Когда прошла эта бесконечно долгая часть секунды, взгляд Куприна потух и лицо его приняло обычное для него приветливое и несколько застенчивое выражение».

Как удавалось великим исследователям Толстому и Набокову избегать этой жестокости, Бог ведает.

Есть и еще одна мысль, которую Куприн почувствовал и выразил лучше мно-

гих своих великих современников, лучше, чем, например, велеречивый Бердяев. Почему в начале двадцатого века в православной России был популярен Ф. Ницше, так ярко и аргументированно ниспровергавший христианство? «Чем ближе к нравственности, тем дальше от жизни», — записал А. Блок в дневнике основную мысль философа. Куприн догадывается, что нужно понять, чтобы жизнь и нравственность не противоречили друг другу.

Герой «Поединка» Назанский один из своих монологов начинает с изложения азов нищезанства. Идеи христианства, то есть любовь к ближнему до забвения самого себя, утверждает он, «выгорели и вычадилась» из человеческих сердец. На смену им идет новая вера — вера в самого себя, в единственность, неповторимость и самоценность собственной личности. Нет ничего страшного в этом крайнем индивидуализме. Человек, глубоко осознавший ценность собственной личности, продолжает Назанский, неминуемо придет к осознанию неповторимости и значимости личности каждого из живущих на земле. Это уже специфически русский, «христианский» Ницше.

Главный поединок, который выиграл Ромашов, — это поединок с самим собой. Нужно было не просто полюбить несчастенького солдатика Хлебникова, а увидеть в нем личность, равную своей собственной, и Ромашов оказался способным на это. Он одерживает метафизическую победу, а автор повести, убив своего героя, совершает метафизическое самоубийство. Первоначально был задуман роман «Нищие», в котором Ромашов, оправившись после тяжелого ранения на поединке, уходит из армии, претерпевает все те мытарства, которые испытал сам Куприн, и становится писателем. Но в повести автобиографический герой погибает, и, чтобы быть оптимистом, необходимо искать яркое и героическое в другом обществе, другой среде.

Куприну все-таки всегда хотелось больше жить, чем писать. Он был в высшей степени наделен неумным любопытством и жаждой жизни. При его страстном темпераменте сидеть за столом, подыскивать нужное слово, пестовать фразу было очень трудно. Заявка на гениальность не воплощалась.

Тем не менее счастливой будет судьба литературы, в которой есть такие второстепенные писатели, как Куприн.